Виктор Смирнов

деревенский дым

Стихи

«Литературная Кострома», 1996 г. Специальный выпуск Долго складывалась рукопись этой книги, не сразу нашлось для нее название, издательские возможности тоже нелегко было найти. Но особенное, сокровенное и обнаженно правдивое поэтическое слово неизвестного многим поэта с ветлужской стороны давно уже не дает покоя. Помнится, живет оно и тревожит. «Невеселый в раздумье глубоком Я стою у родного гнезда. С неба, будто слеза ненароком, Одиноко упала звезда». Хорошо и давно знаю автора этих строк, потому понятно мне, что привело его к раздумью глубокому, как пишутся у него стихи...

Первый, за многие годы единственный, сборник стихов Виктора Александровича Смирнова из деревни Филиха Шарьинского района в определенном смысле приобретает летописное свойство, в нем — судьбы «неприметных» людей, история провинциальной жизни в сочувствии и понимании.

Личностный опыт деревенского жителя, прошедшего через многие страдания, становится необходимым для осмысления случившегося с российской деревней, носительницей народной нравственности. Нынче многие понимают: русская духовность и культура всегда в основе своей была крестьянской, а деревня — опорой, фундаментом нации: потому коварные «нашествия» против России всегда направлены на ослабление, разрушение земледельческого образа жизни. По природе своей, можно сказать, все мы родом из деревни. Не случайно в дваддатом веке, заботясь о приспособлении нас к «цивилизованному миру», так старательно экспериментировали на «деревенской ниве». Эти эксперименты болью отзываются в сердие поэта.

Он родился здесь. После окончания лесного техникума в г. Ветлуге ездил по стране, пробовал себя на разных работах, пытался устроить свою судьбу вдали от родных мест — послевоенные годы многих деревенских жителей превратили в изгоев, но не выветрили чувство любви к родной земле. И живут и поют они от своих корней.

Вернулся Виктор в родную деревню, работает лесником. Бывал на областных совещаниях и семинарах литераторов, иногда приезжал в Шарью на занятия в литературное объединение «Земляки», которым я руководил в семидесятые годы; что-то, кажется, у нас получалось. Добраться из перевни в Шарью было непросто, Виктор и пешком по тридцать - сорок километров хаживал. Придет — долгожданный (тогда уже мы знали несколько его стихотворений, которые ни один редактор не отваживался печатать), усталый, закуржевелый, распаленный, а слушает других терпеливо, внимательно. Тут и его «очередь» читать стихи (правило было такое: каждый участник что-то читал или рассказывал — обязанность «по кругу»), нахмурит брови, устремит сосредоточенный взгляд в даль, только ему видимую, и некоторое время собирается с духом. И вот прорвется, прорежется его напряженный голос, в напористой манере выскажет упреки, тревоги, сожаление или печаль.

Он приносил к нам чистосердечное беспокойст-

во за деревню. В шумные дискуссии не встревал понапрасну, но, если решался напомнить о том, что его беспокоит, говорил убежденно и принципиально, без оглядки на присутствующих чиновников-контролеров, Возмущенный беспечным чириканьем кого-то из «великовозрастных» сочинителей — кряхтел и хмыкал: не принимал он «телячьи восторги» по поводу стирания граней между городом и деревней, умилений среди роз, берез и мимоз. Говаривал не раз: «Знаю, вы тоже хлебнете нашей беды. И тогда вам станет ясно, почему прошу повернуться в крестьянскую сторону». Не было сомнений в правоте Виктора Смирнова - стихи его убеждали. Но печататься он не спешил, «в литературу не стремился, себя не готовил». В письмах я уговаривал его, просил что-нибудь прислать. На просьбы отзывался он - пришлет откровения о житье-бытье, в которых и для себя вроде бы незаметно переходит с эпистолярного стиля на поэтический.

Однажды удалось по публикациям в районной газете собрать подборку для «Литературной Костромы». Читатели запомнили его стихи— присылали теплые отзывы. На этом и укрепилась наша «деловая» связь. Теперь пишет: «Получил письмо и даже прослезился. Такое предложение застало меня врасплох. Я до сих пор еще не верю в издание того, что сочинял в разные годы. Жизнь складывается такая: никто никому не нужен. Как и все, борюсь за выживание, копаюсь на огороде. Не до стихов. Подработать негде. Зарплаты хватает только на хлеб. А кормиться надо. Иногда удается поймать рыбешки в речке Нужне. В Шарью не езжу, это для меня — роскошь: билет туда и об-

ратно стоит пятнадцать тысяч. Это бьет по бюджету. Выпиваю редко, курить еще не бросил, хотя мечтаю об этом по той же бюджетной причине. О стихах думаю так: не знаю, что получится, большинство посвящено колхозной деревне — главной моей беде и боли, кое-кто такие стихи считает устаревшими...».

Помог собрать его рукопись шарьинский журналист и поэт Вячеслав Голубцов. Помнится одно из первых стихотворений Виктора «Деревня Ивка». В шестидесятых годах написана «Старая церковь», где «кружева узорной русской вязи, Которым красоваться бы века, Со стен сползали башмаками грязи И падали слезами с потолка...».

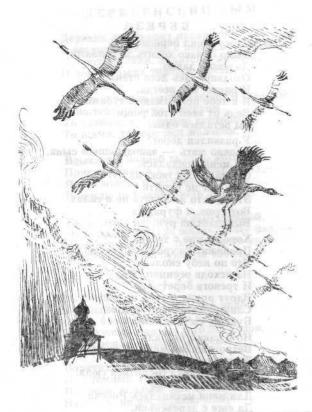
Биографию своей души Виктор Смирнов выразил в стихах, пришедших к нему при одном главном вопросе: что же будет с тобою, отчина? Летопись родной стороны пишется по причине неизбывной верности и любви, к такой нельзя отнестись равнодущно или с поспешным практицизмом.

При подготовке и редактировании рукописи не всегда удавалось получить от автора то, что хотелось бы, — сказывался его жизненный и литературный опыт. Чрезмерной настойчивости в желании что-то изменить, исправить, сократить мы не проявляли, понимая, насколько все глубоко пережито, прочувствовано, закрепилось рубцами на сердце и в памяти Виктора. Привлекали не какието стилевые находки, а в первую очередь — последовательная, безоглядная искренность, прямота, неравнодушие и естественность. Нетрудно было заметить, что он идет от Кольцова, Никитина, Некрасова, что ведут его и мотивы Есенина, Твардовского, Рубцова, но никому эпигонски не подражает, остается верен своему пониманию и чувству.

В деревенской жизни, в природе многое изменилось и за последнее десятилетие - все меняется с годами, даже сам человек. Трагические перемены, отнимающие последние надежды, терзают все опасней — это чувствуется и в произительных письмах Виктора, и в стихах. За короткий срок сама земля, природа стали другими, но люди все еще приходят поклониться в сочувствии, виноватости и печали. Отчий край, деревня детства, дом, родители, близкие люди, любимая женщина, дорога, река, небосвод, лес и поле, вечный путь - опорные понятия в философии поэта, его способа самовыражения. Часто он печален, печаль эта не всегда светла, иногда упрям, дерзок и смел, иногда саркастичен по отношению к другим и к самому себе, а то и улыбчив при доброй иронии. С движением жизни по новым направлениям приходят другие радости и огорчения, но камертон души остается неизменно сердечным.

М. БАЗАНКОВ,

секретарь правления Союза писателей России.

БЕРЕЗА

Здесь стоял березняк, Было близко ходить за грибами Далеко и давно Отодвинулась леса стена. И опять, как всегда, Я к тебе прижимаюсь губами — Ведь от всей этой рощи Ты осталась одна.

У развилки дорог, Словно мать — запоздавшего сына Ты меня заждалась, Осыпаясь листвою на луг. Я не мог не прийти, Это просто я сделать не в силах. Вот стою, и фуражка Выпадает из рук,

Хорошо мне с тобой Провожать журавлиную стаю, Что по небу скользит На исходе осеннего дня. И тревога берет: Вдруг приду й тебя не застану, — Слишком горькой утратой Будешь ты для меня.

Но в какой бы дали Ветром жизни меня ни носило — До конца моих дней Сердце будет стремиться сюда, Потому что с тебя Для меня начиналась Россия Да еще с деревеньки, Что стоит у пруда.

ДЕРЕВЕНСКИИ ДЫМ

Деревня летом спит накоротке. С восходом солнца, с первыми лучами Встают хозяйки, ладятся с печами, И лоскут дыма тянется к реке.

Идешь в такую рань задворной стежкой. А на тебя наносит ветерком То хлебом, то вареною картошкой, То щами, то горелым молоком.

Вдыхаешь полной грудью этот дым, Прислушиваясь к утреннему шуму, — Яснее мысли и светлее думы, И землю рад зацеловать до дыр.

Куда бы ни заброшен был судьбой, Будь даже там, где жизнь милее рая,— Дым деревенский, дым родного края Всегда гоняться будет за тобой.

Черемухи душистый белый полог Опять благоухает надо мной, Я радужных надежд сегодня полон, И вся земля наполнена весной.

Воркует речка в каменистом плесе, Под темный берег пряча синеву. Не знаю, сколько мне осталось весен, — Надеюсь, не последнюю живу. Вот дальним громом небо раскололось, И хлынул дождик, весело звеня. Я не запел еще во весь свой голос, — Надеюсь, будут песни у меня.

Настоящее с прошлым сверяя, Я душою давно сознаю, Что тебя безвозвратно теряю, А с тобой — и надежду свою.

Ну так что ж! Мне терять не впервые, Уж такой моей жизни удел. Ты уйдешь, как уходят другие, Болью временной сердце задев.

Все проходит. Исчезнет и это. Лишь когда-нибудь, словно во сне, Вспомню, как догорающим летом Ты негаданно встретилась мне.

Ты сама в нашей жизни не вечной, О былом свято память храня, С лугом скошенным, с маленькой речкой, Может быть, тоже вспомнишь меня.

О, сколько сил ты мне душевных стоила! И все-таки я стал тебе не нужен. Ну, что ж, прощай. Пусть будет все по-твоему. В моей судьбе бывало и похуже. Уйду, слезами ног твоих не вымою, Я холодом твоим не расхоложен. Ищи другого. Чище и моложе. Прости за то, что звал тебя любимою.

> Вы, я помню, были подруги, В дружбе, может быть, и сейчас. На работе и на досуге Я вас вместе видел не раз.

То ли матери сговорились, То ль судьбою так подошло, Вы, мне помнится, и родились В одинаковое число.

Я, конечно, о той, о первой, Что дала мне море тоски, Той, которая белым пеплом, Отгорев, легла на виски.

О которой уж не судачат, Как бывало, на все село... Впрочем, быть не должно иначе: Столько лет с той поры прошло,

Время сглаживает печали, И недавно приснилось мне Место, где мы с нею встречались, Ива старая на холме.

Но стою я уже не с нею И не с кем-то. С тобой стою! Летний вечер так же синеет, И зарницы так же снуют.

И ловлю я зарниц тех вспышки Не в ее, а в твоих глазах. Сон ведь тоже, не хуже песни, Может многое рассказать.

Жаль, что сны сбываются редко, Очень грустно, что наяву Этой ивы вербную ветку Я весной уже не сорву.

Потому что уж нет этой ивы, От нее остался лишь пень. Видно, кто-то на кружку пива Ободрал ее в летний день.

И застыл этот пень над тропкой, Как протянутая рука, А под ним — лишь бутылок пробки Да окурки у комелька.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Давным-давно утихла эта боль, Но след на сердце все-таки остался. Ты не забыта, первая любовь, Твой голос где-то в песнях затерялся.

Быть может, через дальние года Я голос твой услышу не однажды, Услышу и взгрустну. Ведь никогда Ты человеку не являлась дважды.

Пусть и не стала ты в моей судьбе Тем, чем мечталось в годы молодые, И все ж спасибо, милая, тебе За все, за все, что испытал впервые!..

Мы с тобою теряем друг друга, Не познавши взаимной любви, И весной над вечерней Ветлугой Не для нас будут бить соловьи.

И сугробы заречных черемух Не для нас будут в дымке белеть, И не мне, а кому-то другому Ты в глаза будешь жадно смотреть.

Это больно, но так, видно, надо. Нелюбимым я быть не хочу. Наших встреч мимолетную радость Горьким комом в душе проглочу.

Ты была мне последней надеждой, Как цветок на осеннем лугу. Полюбить так безумно и нежно Я другую едва ли смогу.

Мне все кажется, поздно иль рано На меня б ты махнула рукой. Есть на свете немало мужланов. Я, как видишь, совсем не такой.

Когда землей овладевает дрема И ночь свою мелодию ведет, Я выхожу из низенького дома, Кидаю взор в горящий небосвод, Ловлю глазами свет звезды далекой, Той самой, что у неба на краю.

О вас мечтаю, вас боготворю, Лишь вам одной вверяю эти строки. Вы встретились мне в памятный тот год, Когда я в жизни потерпел крушенье, Когла на все смотрел я с отвращеньем И был готов пустить себя в расход. Случилось так, что я еще живу, В печальном одиночестве сгорая, Одну надежду за другой теряя, Как лерево — осеннюю листву. Спасти меня способны только вы. Других не признаю и не признаю, Лишь вашим именем я называю Ту звездочку у края синевы. В родном краю и в дальней стороне Свет той звезды меня находит всюду. Как хочется, чтоб верили вы мне, -Наперекор людскому пересуду. Как хочется прижать мне ваши губы И навсегда остаться в их тепле. Спасибо вам за то, что вы мне любы, За то, что есть такая на земле.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Полевые ароматы Устоявшегося лета, Деревенские закаты, Деревенские рассветы.

Снова я в моей стихии, Да надолго ли — не знаю. Не сдержать глаза сухими От любви к родному краю. Мне с судьбой своей не лучшей Видеть радостно и больно Тонкий след звезды падучей Над дорогой межепольной.

В темноте белеют липы По крутому косогору. В ласках с милой разделить бы Эту песенную пору.

Но с любимой, незабытой, Мне уж, видно, не встречаться. Все дороги перекрыты, Что вели когда-то к счастью.

Можно жить и без любимой, Но прожить по-человечьи Без лесов, полей и речки Для меня невыносимо.

после грозы

Волной ушла гроза на запад, Поля и лес омолодив. Цветущих трав и листьев запах Не умещается в груди.

Дождем исхлестана дорога. В слепые выдолбы колес По колеям ее отлогим Как будто браги налилось.

Под вечер вызвездилось небо, Туман над речкой загустел. Скрипит несмазанной телегой Во ржи упругий коростель. Ложится спать моя деревня Под гул оживших комаров, И тишина доносит с фермы Возню вздыхающих коров.

И воздух чист, и полдень ясен, И хорошо спешить домой. Высоко кружит в небе ястреб Над полем ржи и надо мной.

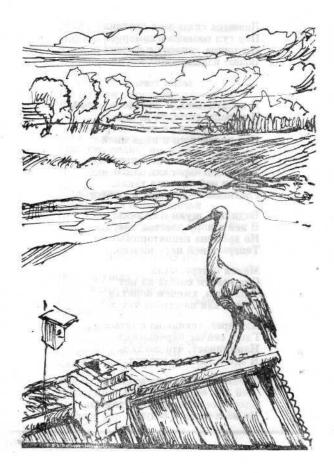
За полем речка протекает, Теряясь в зарослях ольхи. Вода в ней вкусная такая, Глотнешь — потянет на стихи.

Водились щуки и налимы В ней в пору детства моего, Но времена неповторимы — Теперь в ней нету ничего.

Мелея и пересыхая, Она совсем сошла на нет. Лишь ива, хмелем повитая, Стоит, как памятник тех лет.

Да берег, техникою смятый, Где я сейчас перешагнул, Напоминает, что когда-то Я здесь едва не утонул.

Тропинка выстлана цветами, Мой дом виднеется уже... Здесь все меняется с годами, Но не меняется в душе.

СТАРАЯ МЕЛЬНИЦА

На фоне солнечного дня, Рукой махнув родному дому, Я выйду к берегу крутому, К святому месту для меня.

Здесь раньше мельница была, Но обмелел глубокий омут, Хотя по-прежнему в нем тонут Дерев упавшие тела.

Воды касается лоза, Лоснятся золотом кувшинки, И стрекоза на камышинке Блестит, как божия слеза.

Рыбешек мелких суета На дне песчаного изгиба... Как хорошо, что не погибла Живая эта красота!

Как хорощо здесь отдохнуть С ушицей, с костерковым дымом И, как во сне неодолимом, В воспоминаньях утонуть.

Картины детства моего Встают, встают перед глазами. Война, омытая слезами, Не обощла нас никого,

Пусть буду немощен и стар, Но не забуду, не забуду На кольях сбитую запруду, На сваях поднятый амбар. Я не забуду, как гурьбой Сюда ходили мы купаться. И не было теснее братства С бедою общей и судьбой,

Текла по желобу вода, И колесо внизу вертелось. Нам хлеба-хлебушка хотелось — Полуголодным, как всегда.

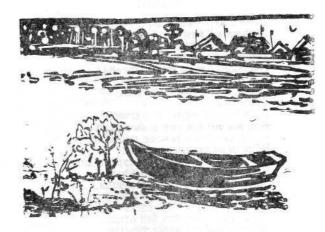
Подкравшись к узкому лотку, Лишь отойдет усталый мельник, Мы, ни секунды не промедлив, Глотали теплую муку.

Все это было так давно, Давно уж нет сюда дороги, Здесь только ели прячут ноги В кусты, где сыро и темно.

И я — давно не молодой — Хожу сюда все реже, реже. Все тот же омут, ивы те же Склонились низко над водой.

Быть может, недалек тот час, Час горький и неотвратимый, Когда, предчувствием гонимый, Приду сюда в последний раз.

Приду — и речке поклонюсь, Обняв руками берег рыжий, Прощусь со всем, что здесь увижу, А дома Богу помолюсь.

OCEHL

Стынет речка в камышовых плесах, Голубые омуты чисты. Сбросив платье желтое, березы Не стыдятся полной наготы. Но ольшанник все еще зеленый, Он расстаться с летом не спешит. Мокрый луг, дроздами заселенный, На стожаре ястреб сторожит. Осень, осень, красок полыханье, Тишина остриже ных полей, И за всем — горячее дыханье Деревенской родины моей.

9 MAH

День с переменчивой погодой. Мне не забыть тот день вовек. Земля казалась всюду голой. Лишь кое-где дымился снег. Пыльной ольхи и краснотала В низинах красилась вода. Весна в ту пору запоздала: Ее держали холода. Босые, в рваненькой одежке, Как воробьи, в тот день с утра Копались мы в гнилой картошке Вблизи от скотного двора. Мы знали, что из тей картошки, Встав вместе с утренней зарей, Мать нам состряпает лепешки. По цвету схожие с землей. Искали мы любое средство Спастись и выжить без отна. Война сживала наше детство. Но не убила до конца. в тот самый день после обеда Вдруг зазвонил колоколец. — Победа, граждане! Победа! Войне конец! Войне конец! — У зданья деревенской школы Собрались люди — стар и мал, Я, первоклассник бестолковый. Все это смутно понимал. Но помню, помню все, как было, И тех, кто весел был и рал. И тех, кого в тот день знобило От страшных, горестных утрат. Я не забуду слезы женщин -

Для них для многих вышло так: До смерти ждать на фронт ушедших И обнимать дверной косяк. В тот день мы на площадке школьной В ланту играли дотемна И отнеслись внолне спокойно К тому, что кончилась война. А что же оставалось делать Нам, голоштанной детворе... Был месяц май и цифра девять На отрывном календаре.

ВЛАСИХА

Без трубы, в наличниках красивых, Навсегла оставленный приют. Заросли калины и крапивы До разбитых окон достают. На углу — дырявая скворешня Да бадья с пробитым пулей дном: Кто-то из охотников нездешних Порезвился здесь весенним днем. Я зашел совсем без интереса В крайний дом деревни нежилой. Вынудил меня уйти из леса Плотный дождь из тучи грозовой. Вот ступаю по ступенькам шатким, Будто черт занес меня сюда. Вслед за мною, словно из ушата, Льется ошалелая вода. Отобедав тем, что взял с собою, Иль, как говорят, чем бог послал, Под божницей, меченой резьбою, Я на лавку лег и задремал.

Вдруг сквозь дрему слышу - что такое Соловей негаданно запел. Вот он рядом, хоть коснись рукою, Под окно на вишню прилетел. Друг желанный, как ты и откуда Появился в столь неровный час? Так вот близко, песенное чудо, Я тебя встречаю в первый раз. Знать, ты родом из-за той речушки, Что струится возле сгнивших бань. Порожа своим сыновним чувством, Ты не бросил эту глухомань. Пля тебя опорою не станет Теплое заморское жилье. Родина к себе зовет и тянет Тем сильней, чем дальше от нее. В дни, когда черемуха проснется, Разметав повсюду белый цвет. Далеко твой голос раздается. Жаль, что рядом слушателей нет. Всех, кто здесь родился и крестился, Раскидала жизнь кого куда: Кто в селе соседнем поселился, Кто живет и строит города. Многие теперь средь шумных улиц Вспоминают только лишь во сне Дом родной, в который не вернулись По чужой иль собственной вине. Дом, в котором мать кормила грудью И качала в люльке из холста. Навещайте, навещайте, люди, Нежилые отчие места! Здесь, конечно, не курорт, не дача, Нет сюда накатанных дорог.

И не стыд, коль человек заплачет, Осмотрев родимый уголок. Здесь у стен с просевшими углами, Лавним запустением дыша, Вас былое озарит, как пламя, Повернется к памяти душа. В летний день среди полей белесых, Трепетно листвою шевеля, Встретят вас подросшие березы, Встретят вас седые тополя. И пойдут, пойдут воспоминанья, В сердце светлой грустью оживут Шумные престольные гулянья, Быт крестьянский и крестьянский труд. Ах, как здесь плясалось, как здесь пелосы! В пору каждый каждому был гость. Как здесь жить отчаянно хотелось, Хоть непросто, нелегко жилось!.. И когда я слышу, как красиво Воспевают хлебные края, Жжет глаза мне эта вот Россия, Где родился, где судьба моя. Как могло случиться в наше время, Чтоб допущен был такой развал? Нам должно быть стыдно перед всеми, Кто за эту землю умирал. Перед всеми, кто в войну здесь, потом Обливаясь, из последних сил На победу день и ночь работал И себе замены не просил. Мы теперь же техникой могучей, До зубов во всем вооружась, Эту землю сплошь и рядом мучим, С ней теряем родственную связь,

Рвемся на асфальты и бетоны, Ищем только выгоды свои. Сколько их, домов пустооконных, Здесь, на малых родинах, стоит? Впрочем, их осталось уж немного: Догорают в топках и печах. Это — наша общая тревога, Это — наша общая печаль. Нам понять давно пора настала — Где и как, и для чего живем. Мы и так порушили немало. Из того, что родиной зовем. Сколько в деловой неразберихе Накопилось горечи и зла!.. Месяц май. Деревня Королиха. Вторник. 23-го числа.

стольушка

Как богомольная старушка, Молитвенно склонясь в кювет, Стоит дорожная столбушка, Стоит уже немало лет.

Ее сечет дождями осень, По ней ходил шальной топор, — Она же милости не просит, Стоит всему наперекор.

А сколько раз ей приходилось Терпеть машинные толчки, Но ничего с ней не случилось, Стоит целехонька почти. Оставшись целой из немногих, Презрев все тяготы свои, Стоит столбушка у дороги... И леший с ней! Пускай стоит.

Замело, обложило снегами Небольшую деревню мою. Месяц-странник над нею кругами Ходит в вечной тоске по жилью.

Тишина здесь ночами такая, Что нельзя к ней привыкнуть никак. Не услышишь собачьего лая— Волки съели последних собак. В полумраке, седом и студеном, Спит деревня, ей рано вставать. Низко тополь склонился над домом, Где живет моя старая мать.

Невеселый, в раздумье глубоком Я стою у родного гнезда. С неба, будто слеза ненароком, Опустилась на поле звезда.

Коай затерянный, край малолюдный, Жить в глуши— не великая честь, Бросить все и уехать— нетрудно, Но кому-то быть надо и здесь.

И каким бы житейским разладом Ни пыталась судьба устрашить, Верить в лучшее все-таки надо, А иначе не стоит и жить.

СЕЛО РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

На высоком, крутом убережье, В этом русском старинном селе Я бываю все реже и реже — Подневольный нелегкой судьбе. Но мне снятся все чаще и чаще Лес, очерченный лентой реки, Голубые озерные чаши, Заливные луга и пески. Снится парк с вековой сединою, С колоинадой берез вдоль пруда, Снится все, что здесь было со мною И не будет уже никогда. Сколько раз мое сердце стремилось

Обрести здесь душевный покой, Но, увы, не сбылось, не случилось. И устал я от жизни такой. Навсегда я оставил попытки Даже лумать об этой мечте. Государством раздетый до нитки — Доживаю свой век в нишете. В деревнях, селах, центрах районных, На углах городских плошалей Нас, раздетых, теперь миллионы, Миллионы несчастных людей. Что ж, и раньше такое знавали. Взять все тот же семнадцатый год. Так же грабили и раздевали Православный наш русский народ. Но теперь поступают иначе -В этом суть реформаторских дней: Раньше грабили тех, кто богаче. А теперь грабят тех, кто бедней. И такие же страсти-напасти Нам на головы льются рекой. И такие же люди у власти. Только вывеска стала другой. Беспределом, духовным развратом Обернулся наш путь в коммунизм. Как бы вновь нам не встать брат на брата. Чтоб катиться по-прежнему вниз. Чтобы тот, кто сильней, больше хапал. Чтобы тот, кто слабей, больше пил. Чтоб гнилыми подачками Запад Нас в послушных рабов превратил. Чтобы мы умирали до срока, В диких распрях глотая свинец. Этой жизни, слепой и жестокой, Все равно где-то будет конец.

Стихнет злоба во вражеском стане, Сгинет племя продажных иуд. Снова Родина на ноги встанет, К власти новые люди придут. Все сумев превозмочь и осилить, Вновь вернет честь и славу страна. Лишь бы Бог не оставил Россию, Богу Вера и Правда нужна. Лишь бы мы, бренный мир познавая, Не забыли о братстве святом. И чтоб церковь, к спасенью взывая, Дотянулась до неба крестом.

Вечер — тихий, февральский, морозный, Снег по-зимнему чист и огнист, В небе плавает ковш семизвездный, Опрокинутый ручкою вниз.

Санный след пополам делит поле, Лентой тянется прямо к луне. Я всегда был и буду доволен, Что живу на родной стороне.

Сам не знаю, откуда берется Неизбывная в сердце любовь К скирдам сена, к озябшим березкам, К огонькам деревеньки любой.

Ко всему, что ни есть в этой шири, Где повсюду сверкающий наст, Где до нас люди яростно жили, Где, любя, будут жить после нас. Я иду обочиной дороги, По самой дороге не пройти, У меня уже устали ноги, А идти осталось полпути,

Окажись попутная подвода, Путь мой был не так бы и далек, Но мои мечты такого рода Зачеркнул паршивенький денек.

Я иду уверенно, упрямо, Тороплюсь успеть к исходу дня. Заждалась меня, наверно, мама, Маме очень трудно без меня.

Сельские дорожные проблемы, Вы деревню извели на нет, На вопрос: проблемы иль пробелы? — Нелегко дать правильный ответ.

горестный взгляд

Белый месяц горит над избушкой, Освещая нетронутый снег, В той избушке седая старушка Доживает свой старческий век,

Слишком редко заходят к ней гости В скучноватые зимние дни, — Все подруги давно на погосте, Не осталось в деревне родни.

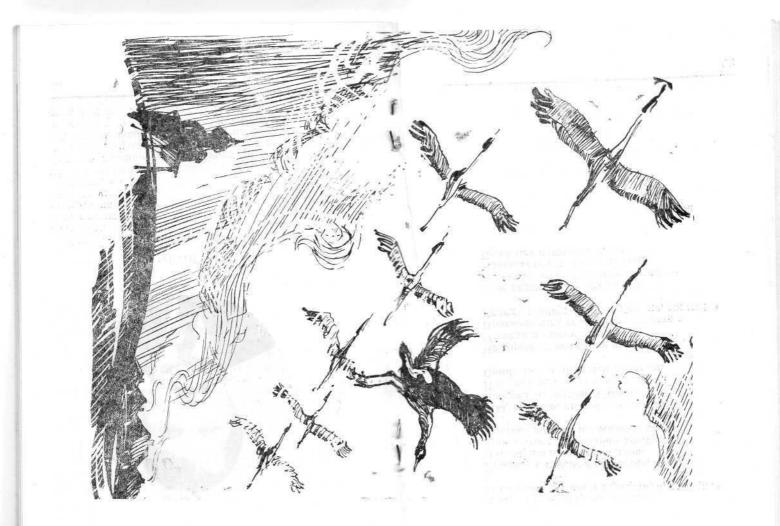
Я открою настывшие двери, Поздороваюсь, встав на порог, А она, будто встрече не веря, Тихо скажет мне: «Здравствуй, сынок...»

Принесу ей воды из колодца, Наношу из поленницы дров. Мне в ответ благодарно прольется Столько добрых и ласковых слов.

«Ой, спасибо, спасибо, родимый, Побеседуй, погрейся чайком». И к глазам, как от едкого дыма, Прикоснется линялым платком.

Не горюй, дорогая, не надо... И когда я шагну за порог, Провожаемый горестным взглядом, Вслед услышу: «Будь счастлив, милок!..»

Я не ведаю, где мое счастье, Но скажу вам без всяких затей — Навещайте вы, люди, почаще Пожилых одиноких людей.

OT ABTOPA

Писать автобиографию считаю бессмысленным занятием. Человеческую жизнь, если она охватывает значительный отрезок времени, невозможно описать на одной странице. Это целый мир, который не уместится даже в десятки книг.

Родился в самой обыкновенной русской деревне со странным названием Филиха в 1937 году. Детство прошло среди нетронутой цивилизацией русской природы. Мой дом стоял на краю деревни, окруженный с трех сторон небольшим можжевеловым леском. Этот лесок к осени был синим от крушных ягод. Под каждой такой можжевелиной

можно было набрать не один стакан земляники и черники. Это место так и называлось — прогон, то есть, где прогоняли скот. К концу лета, когда выедалась трава на лужайках, между тропинок можно было набрать ведро луговых рыжиков. Речка, которая протекала недалеко от дома, была полна рыбы. Зимой, когда приходила для многих птиц бескормица, перед окнами слетались куропатки. Летом речные покосы были усеяны стогами, а дремучий лес, который был рядом, гудел голосами грибников и сборщиков ягод. Людей даже в военное лихолетье в деревне оставалось еще много, и всем всего хватало, только не ленись.

Милая моя родина! Что с тобой сталось! От речек — только названия. Леса вырублены и захламлены. Земля перестала родить. Вместо куропаток, черными тучами застилая солнце, кружит оголтелое воронье. Я забыл, когда в последний раз пробовал терпких можжевеловых ягод, несмотря на то, что почти два десятка лет работаю лесником. Вырождается физически и генетически мой народ. Уничтожено крестьянство с его многовековой культурой, с престольными праздниками и многолюдными гуляниями. Слово «крестьянин» включает в себя три понятия: человек, земля и Бог. Крестьянин — это тот, кто живет тем, что вырастил. Человек, который работает на земле за зарплату, — это батрак.

Родина моя, Россия! Тебя не смогли силой одолеть твои враги, но сумели обмануть, ограбить и унизить. Пусть знают и помнят твои недруги, что ты не та страна и не то место, где над народом можно безнаказанно ставить бессмысленные и бесчеловечные эксперименты. Моя основная специальность — энергетик. Все лучшие годы были связаны с этой работой. Сейчас живу в родной деревне, работаю лесником. В литературу себя не готовил. Стихи для меня всего лишь способ самовыражения, и пусть читатель простит, если найдет в них какие-либо огрехи. Я писал стихи в разные годы, по-разному откликался на события, не стремясь у кого-то и что-то за-имствовать, но боль за исчезнувшие деревни, за многострадальную землю не покидала меня и не покинет по конца моей жизни.

Виктор СМИРНОВ.

MATE

Дом пятистенок уткнулся в траву, Крыша дождями намокла, Белая лента на божьем углу, И заколочены окна. Злесь одиноко старушка жила, Смерти страшилась едва ли. Долго болела и вот умерла. Лети живой не застали. Им бы пораньше приехать сюда. В дом, к материнской постели. -Кренко их держат свои города, Ла и не очень хотели... Дочь и два сына — их можно понять?... Тут понимать и не надо: Стала обузою старая мать, Мать с деревенским укладом. Если бы знали, как мать их ждала, Как ожиданьем томилась И никого ни за что не кляда. Только лишь Богу молилась. Пусть было горько ей, пусть нелегко, -Лаской пелилась со всеми. Дань милосердную - хлеб, молоко -Ей приносили соседи. Вышла деревня ее хоронить, Было наролу немного. ...Поздно кого-то ругать и винить. Все мы грешны перед Богом,

забытое письмо

Опять хозяйничает осень В краю, в котором я живу, Вода холодная относит С кустов опавшую листву.

Над рукавом речной излуки Растет и тает на глазах, Как кверху поднятые руки, Клин журавлиный в небесах.

Я не впервые замечаю На этом месте в октябре Все то, что светлою печалью Напоминает о тебе.

О чем никак не удается Забыть, что не развеять в прах... Не думал я, что приведется Нам жить на разных берегах.

Ты мне становишься с годами Дороже всех монх потерь. Крутая ссора между нами Нелепой кажется теперь.

Мы не смогли себя заставить Друг друга вовремя простить, Ошибку эту нам исправить Всей жизни может не хватить.

Письмо, забытое случайно, Письмо к тебе вчера нашлось, И, как ни горько, ни печально, Мое предчувствие сбылось. Вот снова птицы тонут в небе. Прости, любимая! Прости! Уж не тебе, а лучше мне бы Из жизни первому уйти,

Клин поднимается все выше, Туда, где облачная мгла, Одна из птиц, что к солнцу ближе, Роняет перышко с крыла.

Оно поведать мне стремится, Что был и я тобой любим. Оно скользит. Оно кружится Над одиночеством моим,

Ноябрь. Предзимье. Осенью усталой Сквозят в тиши холодной берега. Вода в реке на грани ледостава, — Плывет, качаясь, звонкая шуга.

Вот легкий снег окладисто и густо Ложится с потемневшей высоты. Смотрю на все с каким-то горьким чувством Не потому ль, что вспомнилась мне ты?

Мне вспомнилась весна и этот берег В веселом буйстве света и тепла, В ту пору берег был таким же белым — Кругом вовсю черемуха цвела,

Была любовь и был разлад житейский. Промчались годы. У тебя семья. А я хожу по свету одинокий, Ушла с тобою молодость моя.

Еще не раз душистым цветопадом Кусты черемух убелят траву. Взамен тебя мне никого не надо, Я и один спокойно проживу.

Не ругай, прошу тебя, не надо. В письмах я всегда немного глуп, И в словах порой бываю груб, Как пастух колхозный возле стада.

Обо мне ты что угодно думай, Я уже устал от всех интриг, Мне сейчас забыться бы на миг. А еще бы лучше врезать дуба.

Ну представь — кому теперь я нужен, Разуверившийся сам в себе? И такой, к примеру, как тебе, Нелегко мне стать достойным мужем.

Не хочу и я такого рая, Где, живя под крышею одной, Кто-то стал бы тяготиться мной, Не любя меня и презирая.

Тут сказать пословицу нелишне (Мне-то уж она как раз под стать): В сыворотке нечего искать, Коль в сметане ничего не вышло.

Может, спросншь ты: какого черта Я пишу тебе всю эту муть? — Я отвечу: просто мне чуть-чуть Хочется надеяться на что-то.

А на что, на что, моя землячка, Объяснить никак я не смогу. У меня сплошной туман в мозгу, А душа, как свежая болячка.

Но придет пора, я отрезвею От всего, что здесь произошло, А пока прости — мне тяжело До поры, когда в себя поверю.

> Сегодня день такой погожий! Людей на улицу зовет. Шагаю я среди прохожих Без всяких сумрачных забот.

Какие могут быть заботы, Когда сегодня выходной, Когда свободен от работы И только вышел из пивной?

Купил вчерашнюю газету, Иду. себя не торопя, Курю, смакуя, сигарету... И тут увидел я тебя.

Ты шла к фруктовому киоску, А я метнулся сам не свой Под тротуарную березку, Загородив себя листвой.

Зачем с тобою мне встречаться, Когда прошло так много лет? Ты мне была б вершиной счастья, Но вместе нам дороги нет.

Ты все такая же, как прежде, Все тот же взгляд из-под бровей. В простой, невычурной одежде Мне кажешься еще милей.

Вот только с камушком колечко На правой держится руке. И невдомек тебе, конечно, Что я стою невдалеке.

Стою, как током пораженный, С горячим трепетом в груди, Шепчу, шепчу завороженно: — Не уходи, не уходи!

Постой. Ну дай еще немного Полюбоваться мне тобой. — Но ты ушла своей дорогой, А я остался сам с собой.

письмо на ветлугу

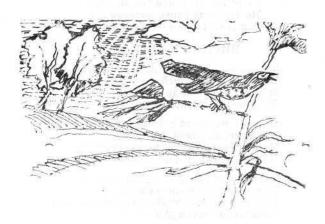
Ты ушла под шорох желтой вьюги По дороге, взбухшей от воды. Я приду к тебе и до Ветлуги Буду целовать твои следы.

Я найду их среди старых сосен, На песке, на глине, на траве... Их не смоет взбалмошная осень, Их не скрыть в порхающей листве.

Здесь меня ничто не остановит, И, к тебе с надеждою спеша, Мне б хотелось, чтобы чувством новым Занялась избитая душа. Но не знаю, как меня ты встретишь, Кем предстану я перед тобой, — Всякое случается на свете, Все мы перед Богом и судьбой.

Что же остается, дорогая, Если наша молодость прошла, Если одиночество сжигает И испепеляет нас дотла?..

Встретимся. Кому какое дело... У людей своих хватает дел. Лишь бы ты ко мне не охладела. Лишь бы я к тебе не охладел.

ГАРМОНИСТ

Памяти В. И. Удалова

Отгорела звезда и упала В стороне от большого села, На селе гармониста не стало, Гармониста земля приняла.

Был он щедрым своей добротою, Но пришла роковая беда— И осталась гармонь сиротою Навсегда, навсегда, навсегда.

Лишь коснется, бывало, руками Медных планок лихой чародей, Рады броситься в пляс даже камни, — Что уж тут говорить про людей!..

Не взыграет крылатая хромка, Не взметнет за собой хоровод, Не утешит мелодией звонкой Жадный к музыке здешний народ.

Не забыть вместе с болью утраты Песен тех, что на сердце легли. Люди, люди! Мы все ж виноваты В том, что мало его берегли.

Где искать гармонисту замену? Где услышишь такую игру?.. Лишний раз я в село не заеду. Лишний раз только слезы утру.

ЦЫГАНЕ

На берегу под старой ивой Раскилут латаный шатер, А у шатра неторопливо Дымится с чайником костер.

Конь, молодой и длинноногий, Пасется в нескольких шагах. Гуляй, гнедой! Травы здесь много В давно некошенных лугах.

О, вездесущие цыгане! Неуправляемый народ! Сегодня вас, как прежде, тянет Туда, где вас никто не ждет.

Душа к оседлому порогу Привыкнуть так и не смогла: В дорогу, только лишь в дорогу, — Куда б она ни завела.

И если в стужу приведется Дом под жилье отхлонотать, Туда вас столько наберется, Что никому не сосчитать.

Для вас законы — не оковы. Без лишних слов и директив Образовать всегда готовы Цыганский кооператив

Без подоходного налога, А если вдруг не повезет — В дорогу! Только лишь в дорогу! Туда, где вас никто не ждет.

Обид и зла вам не желая, Спросить бы вас, где и когда Встречался, кроме Будулая, Среди цыган герой труда?

цыганская могила

Вот она — дорога на Ветлугу, — Через мост, через сосновый бор. В слякоть и жару, мороз и стужу Мне она знакома с давних пор.

В выходные, при любой погоде, С харчевой котомкой за спиной Я ходил по ней четыре года, Чтоб закончить техникум лесной,

Место здесь безлюдное, глухое. И нередко в тьму и полутьму На большак тропинкой обходною Выходить случалось одному.

Ничего б, но жутковато было. Где дорога сходится с тропой, Старая цыганская могила В сторона щетинилась травой.

Часто здесь пугало и страшило Проходящий набожный народ, Если ветер вдруг качнет вершины Иль гнилое дерево падет. Или птица голосом истошным Закричит над самой головой. Кое-кто, бывало, дай Бог ножки, Прибегал без памяти домой.

Средь друзей и жителей окрестных Я не самый суеверный был. Без дубинки, коль признаться честно, Поздним часом все же не ходил.

Как-то раз я шел к родному дому, Ночь была темна и глубока. На подходе к месту роковому Вижу два зеленых огонька.

Мысль моя работала нечетко, Холодок прошел по всей спине. Чьи два глаза— волка или черта— Смотрят, затаясь, навстречу мне?

От удара треснула дубина, И труха посыпалась из иня. Видно, крепко руку одробил я, С год она болела у меня.

И теперь, когда в траве, на сучьях Ненароком встречу светляка, Не могу не вспомнить этот случай, И невольно чешется рука.

Я не знаю о судьбе цыганки, И никто не скажет, схолько лет Глубоко в земле ее останки Будоражат этот белый свет, Но однажды старец смуглокожий, Поправляя стертые гужи, Мне сказал, что здесь, по воле божьей, Молодая девушка лежит.

В чем беда, что прожила так мало, Мне цыган об этом не сказал, Лишь вздохнул печально и устало Да на плетке узел завязал.

Год назад с корзинкой за грибами Я сюда нечаянно зашел.
Там, где лес недавно вырубали, Рядом я могилы не нашел.

Время не спасло песчаный холмик. Где он был, едва ли кто найдет. Но цыганку вечно будет помнить С песнями кочующий народ.

Родина цыганская — дорога — Ей дала последний свой приют. Соблюдая свой обычай строго, До сих пор здесь упряжи встают.

Мы цыган ругаем, и — нередко, Судим конокрадство и обман. А любви к своим далеким предкам Стоит поучиться у цыган.

обознался

Я иду на свиданье с деревнею, Мотоцикл, вижу, сзади пылит. Руку поднял. Смотрю с удивлением: За рулем-то девчонка сидит.

Заглушила мотор. «Просим милости!» — Мне пропела, а я все смотрю: Не пойму — то ли явь, то ль приснилось мне. «Валя». — шепотом ей говорю. Но она, как-то вздрогнувши, вспыхнувши, Мне в ответ ледяным голоском: «Вы, товарищ, случайно не выпивши? Если так, то пройдитесь пешком». А потом, на меня глянув пристально, Залилась звонким колокольцом. Что за черт! Ошибиться немыслимо: Те же губы и то же липо. И глаза те же самые, карие. С быстриной вдоль упругих ресниц. Те, в которых, когда еще парнем был. Я ловил вспышки летних зарнии. «Ну чего вы стоите, уставились? Правды нету в ногах — стой не стой. Да, простите, я вам не представилась Валя будет мне старшей сестрой».

на пепелище

Высокий стройный тополь у дороги Давно от старых затесей подгнил, Сегодня мы промокли и продрогли, И нет теперь укрытия под ним.

В такую пору стал костер не лишним, Не лишним стал со зверобоем чай. Знакомое до боли пепелище, Своих усталых отроков встречай!

Как долго мы тебя не навещали!.. Как много здесь заброшенной земли! Мы, уходя, вернуться обещали, Но возвратиться так и не смогли.

Нас, городских, сюда уже не тянет, У многих — дом свой, огород и сад. Мы все равно и в городе крестьяне, Нет смысла возвращаться нам назад.

Мы там уже свои пустили кории, Детей взрастили, дождались внучат. Себя-то мы и в городе прокормим, А остальные, видно, как хотят.

Что делать, коль судьба у нас такая. Она нас к этой жизни привела. И не о том ли ветер, не смолкая, Горюет над останками села.

ПЕБКОВР

Утопая в зеленом ложе, Ты еще простоишь века. Над тобою, как лики божьи, День и ночь плывут облака.

Церковь русская, русский гений! Тяжело на тебя смотреть. После стольких бед и гонений Как же ты смогла уцелеть?

Гнев и боль разрывают душу. Да воздаст по заслугам Бог Всем, кто брался тебя разрушить, Всем, кто свято тебя берег.

ОВИН

Седой полуразрушенный овин С дырявой крышей, крытою соломой, В тот день жалел тебя я не один, Когда ты приговаривался к слому.

Нет-нет! Я не за то, чтоб ты стоял. Наивною была б такая нежность, — Всему есть время и судьба своя, Своя, как говорится, неизбежность.

Я просто все еще не позабыл Тот самый хлеб, что дымом пахнул малость, Которым ты людей в войну кормил, Которым жизнь в то время измерялась.

Неудержима времени река, И многое порой забыть спешим мы. Сменила жизнь овины на тока, Где все, что надо, сделают машины.

И все-таки, когда к губам своим Несу горбушку с запахом знакомым, Мне почему-то помнится овин С дырявой крышей, крытою соломой.

Перелески, поля между речками, Небольшие деревни вразброд, Дальний лес, облаками увенчанный, И с дороги крутой поворот, Через узкий ручей переходина, След тропы, проторенной давно,

По которой к тебе, моя родина, Мне по смерти ходить суждено. Хоть судьбою нечасто приходится Навещать мне родительский кров, Но и все же родная околица Мне пороже больших городов. Мне она дорога ранней вербою, Холодком летних утренних рос. Слово «мама», мое слово первое, Я не где-то, а здесь произнес. Мне она дорога речкой Нужною, Где весною ковши омутов Заметает черемухой выожною И охапками желтых цветов. Речка Нужна! С тобой, узмоплесая, Мне любая разлука долга.

Не к тебе ли дорога покосная, Не твои ль заливные луга, Не твои ль камышовые заросли Снились мне от тебя вдалеке?.. Я пойду посмотрю, не осталось ли Моих детских следов на песке. И к березе, к той самой, что свесила Над водою зеленую грусть, Растревоженный новою встречею, Повлажневшей щекою прижмусь.

тополя

На родимой на сторонушке моей Ни одной деревни нет без тополей, Их сажать заведено со старины Возле окон с придорожной стороны.

Подпирая над домами небеса, Тополя растут и радуют глаза. Облетающие пухом на траву, Хороши они во сне и наяву.

Но нередко возвышаются они Над полями одинешеньки одни, Далеко от них ложится клином тень С места бывших хуторов и деревень,

Каждый тополь, будто памятник, стоит, Каждым тополем былое говорит, В каждом тополе — разлуки седина, И под каждым — колокольчиков копна.

Днями летними у этих тополей Часто вижу я задумчивых людей. Может быть, они затем сюда пришли, Чтобы взять с собою горсть родной земли.

Я и сам сегодня с песнею в ладу Тоже к тополю знакомому иду. Он над домом над родительским навис, Гладит ветками зелеными карниз.

Сын разлетный деревеньки в два ряда — Я хотел бы здесь остаться навсегда, Потому что нет сторонушки милей, Где деревни не найдешь без тополей.

СТАРЫЙ ДОМ

Дом бревенчатый с крышей покатой, Где галчата в карнизах снуют, Раньше был ты в деревне десятый, А теперь ты стоишь на краю.

Захлебнулся травою заулок, След тропинки отыщешь не вдруг, Смотрит яблоня, сникнув понуро, На замшелый колодезный сруб.

Оглашаемый галочым криком, Ты пустуешь не год и не два, Нынче осенью с тракторным хрипом Разломают тебя на дрова.

И появится новая рана У деревни на правом крыле, А потом скроет шапка бурьяна Место, где ты стоял на земле.

СЕНОКОСНОЕ УТРО

Я как-то рыбу удил на Ветлуге. Стоял июль. В разгаре сенокос. Всходило солнце над росистым лугом, Бросая тени на землю врасхлест.

В то утро клев был, в общем-то, неважный: Вода «цвела», ловился больше ерш...
— Эй, ты, ершатник! Как насчет продажной? На вес или поштучно продаешь? —

Как уколол меня тот женский голос! А с берега мне с хохотом неслось: — Ты почему один рыбачишь, голубь? Или тебе голубки не нашлось? —

Вот, думаю, чего мне не хватало: Свидетелей судьба преподнесла! На луг, спеша, пока роса не спала, Колхозников бригада подошла.

Не унимался шум разноголосый:
— Смотри, какую ряшку отрастил!
Такого взять, запрячь бы на день в косу,
Наверно, много б сена накосил.

- Того и жди! Пожалуй, он умеет Косить лишь за вином да языком.
   А вам-то что, умеет иль не смеет?!
  Чего смеетесь зря над мужиком!
- Ой, бабоньки, да он глухой, наверно!
  На удочки уставился, как бык...
  Ну, женщины. Не женщины, а шельмы!
  Как будто кто их тянет за язык.

— Пора кончать базар, работать надо, — Сказал летучим басом бригадир. И говор стих, раскос брала бригада, Звон кос на звон оружья походил.

Отдельно, цепью, гордо шли мужчины Туда, где выше, где плотней трава. На это были веские причины, У них своя стратегия была.

С какой поры, я сам того не знаю, Со старины, должно быть, повелось: Почти на всех покосах в нашем крае Мужчины косят с женщинами врозь.

А объяснить все это очень просто И спорить тут как будто ни о чем: Любой мужик, пусть маленького роста, Не скажешь, что соломенный пучок.

Дымит, бывает, чуть ли не до рвоты Охочая до курева братва, Но если уж возьмется за работу, То — согрешила матушка-трава.

Врезаясь в луг, наискосок друг к другу, Вставал и великан, и малорос, Кружилась песня над рекой Ветлугой На радостный мотив поющих кос.

Не ждал от женщин я такой «накачки», — Смотрел на луг, сам за себя не рад. Эх, вы, землячки, милые землячки! Ну в чем я перед вами виноват?

Как вы, такой же родом деревенский, Лишь волей жизни в городе живу, Я счастлив видеть эти перелески И в мареве кипящую траву.

Нашлись лихие критики мне тоже, Как будто рос я не в краю своем И не в родных лугах среди остожий С застывшим на стожарах ястребьем,

Ваш смех сегодня вызовом мне брошен. Ну что ж, посмотрим, кто на что горазд... Река о берег, тальником поросший, Тихонько терлась в этот ранний час.

Я к бригадиру (он писал наряды) Бегу вдоль свежебритой полосы: — Товарищ, вам работника не надо? Свободной не найдется ли косы? —

Он будто ждал меня с таким вопросом:
— Пожалуйста, бери, да не ломай!..
Вон там стоят три новенькие косы.
Отбитые.
Любую выбирай. —

Ну все, теперь-то душу успокою. И, косу поплотней к плечу прижав, Я, как бывало, правою рукою По лезвию брусочком пробежал.

Как свой, стою в мужском я хороводе, Где скидки на неопытность не жди. Передний, кончив, к заднему заходит, А задний жмет на тех, кто впереди,

И тянутся валков прямые грядки, А меж валков — едва заметный след. — Поторописы! А то обрежу пятки! — Кричит мне сзади весело сосед.

Работаю на полную отдачу, Не замечая удивленных глаз, И рвусь вперед, ведь мне нельзя нначе, Не подводить же мне рабочий класс!

Пусть знают, что и в городе умеют Косить не хуже здешних косарей. Поет коса, струится пот за шею, А мысль одна: скорей, скорей!

Второй закос беру все в том же духе, А в третьем закоситься не успел: «Перекурить!» — послышалось над лугом, И луг, как поле боя, опустел.

Стоймя вокруг куста расставив косы (Чтоб легче было где свою найти), Под пологом раскидистой березы На перекур расселись мужики.

Не знаю, то ли по каким приметам, Иль это просто так казалось мне, Что каждого из них я видел где-то, Не помню, наяву или во сне.

Никем не спрошен, кто я и откуда, Я по ухватке узнан был и так, Что родина моя — река Ветлуга, И каждый из сидящих — мне земляк.

Менялись быстро темы разговора: То анекдоты, то житье-бытье. Мешался дым махорки с «Беломором», И, как всегда, манило на питье.

«Подъем!» — неторопливая команда Вновь всколыхнула приумолкший луг. Густой травы зеленая громада Валилась под напором сильных рук... Хоть и ломило с непривычки кости, Но радостный, как после ста побед, Со всеми шел и я на стан покосный На честно заработанный обед.

Вспоминаю большие гулянья И гармошек волнующий хор. Страшно было смотреть утром ранним На разобранный в драке забор.

Было все, были даже убийства, Да и сам я не раз битым был, Но без этого русского буйства Я деревню бы меньше любил.

И каким бы я к черту был русским, Если я бы не смог напролом По-ивановски. по-ветлужски Пропылить вдоль деревни с колом!

Я тебя, цыганка, часто вспоминаю Каждой метинкой на лбу. Как же ты смогла, меня совсем не зная, Предсказать мою судьбу?

Наказав меня на рубль, вздыхая тяжко, Помню, ты шептала мне:
— Будет жизнь твоя, как детская рубашка, Коротка и вся в дерьме.

из письма друзьям

Я в гости никуда теперь не езжу, Но если черт вас занесет сюда, Я здесь для встречи кролика зарежу, Вот только, братцы, с выпивкой беда.

Все дорожает, скоро не под силу, Окажется, ее нам покупать. А без нее на кладбище могилу — Подохнешь — будет некому копать.

Но вы не бойтесь навестить жилище — Мой обветшалый, гнилоуглый дом: Мы где-нибудь пошарим и поищем — И то, что надо, все равно найдем.

Пусть в комнатах монх черно от пыли, Я, выпивая горькое вино, Скажу спасибо вам, что не забыли Меня, кого забыть не мудрено.

Свои стихи давным-давно забросил... Писакой меньше — вот и вся беда?.. Бывает, правда, если кто попросит, Лихие дерзости читаю иногда.

Я все-таки не мнил себя поэтом, Хотя немного с рифмами знаком... Вы, как могли, мне помогали в этом, А я, дурак, остался дураком.

Когда святые чувства в людях дремлют И слово не доходит до души, Поэт талант свой зарывает в землю. Не этим ли и занят я в глуши?..

на кладбище

Родины печальный уголок, Кладбище средь сосен придорожных, Сколько здесь — представить невозможно — Улеглось страданий и тревог!

Сколько памятников и крестов Уместилось за оградой шаткой!... Перед каждым снять готов я шапку, Поклониться каждому готов.

В скорбный час родительского дня, В непогодь и ясную погоду Здесь всегда полным-полно народу!.. На могилах сходится родня.

Разложив бесхитростную снедь, Поминают навсегда ушедших, И нередко кто-нибудь из женщин Голосит, оплакивая смерть.

Есть такой обычай на Руси — Оставлять здесь корм залетным птахам. Помолчи, душа, и погрусти В память тех, кто стал сегодня прахом.

Пахнут влагой береза и ива, И река от черемух бела, Гулким ливнем гроза на восток провалила, Ночь в объятья природу взяла. В понизовных дымящихся травах Коростели стригут тишину. Хорошо бы сейчас, позабыв об утратах, Оказаться в любовном плену.

Прогуляться бы с милой напару Светлым клином песчаной косы, Где в обнимку всю ночь

ходит с девушкой парень,

А над ними луна, как часы.

По весне сердце чище, нежнее, Потому и, взгрустнувши слегка, Только лишь об одном я сегодня жалею — Как ты все-таки, жизнь, коротка.

Пусть не все, как хотелось, я прожил, Пусть немногих желаний достиг, Но чем дальше живу, тем светлей и дороже Мне твой каждый подаренный миг.

Ночь росою обильною плачет На овсы, на цветущие льны. Высоко над деревней маячит Среди звезд половинка луны.

Льется сладкий настой увяданья От стогов на окольном лугу... Как бы здесь ни жилось, никогда я С этим краем порвать не смогу.

С ним заботы мои и тревоги, Боль и радость, и песни, и труд... Для меня нет отсюда дороги, — Даже той, что последней зовут.

А деревня по-прежнему тает, Как весною оплывший сугроб. От того, что ей участь такая, Часто сердце бросает в озноб.

Без упрека, без горького смеха Я шепчу в лунозвездную тьму: «Будьте счастливы все, кто уехал. Не завидую вам никому». Специальный выпуск «Литературной Костромы», издание писательской организации, 1996 г.

Общее и художественное редактирование — М. Ф. Базанков Редактор — Е. А. Разумов Художник — М. Ф. Базанков

Издание осуществлено при участии администрации Шарьинского района.

¹⁹⁹⁵ г. Областная типография им. М. Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области, г. Кострома, ул. П. Щербины, 2. Заказ 3898, Тираж 2000.